

"Два в одном, или переодеться в девушку опасно (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Ров Саша

— Викуль, а тебе не кажется, что это как-то неправильно? — стягивая с себя кофту, пробурчал я.

— Нисколько, ложись на кровать, хотя нет, вставай на колени и обхвати себя руками, — отдавая указания, уверено проговорила моя лучшая подруга, кивком головы показывая Вадиму, чтобы он встал левее от нее. — Сань, что именно тебя смущает?

— Да знаешь, все, — поправляя на себе короткую юбку-шотландку, возмутился я. — Почему я не могу косплеить парней? У нас вон сколько девушек.

На последних словах я обвел руками вокруг себя, на что получил приказ замереть в данной позе и чуть оставить попу. Вот, а я про что? Сейчас в этой комнате собралось пять человек, не считая меня и второй модели. Нет, мы не профессионалы, просто у Вички бзик по аниме пошёл, и я показался ей лучшей кандидатурой под одну из героинь. Второго нашего одноклассника она уломала легко, ну, конечно, он же брутального мачо играет, ему-то что, вон, стоит и поедает мой зад глазами.

Косплей — страшное слово, именно поэтому я стою сейчас на кровати в одной юбке, закидываю голову и отпяливаю попу, а вокруг меня то и дело вспыхивает вспышка и шуршит отражатель. Красота тоже страшное слово, нехрен, скажу я, рождаться красавчиком с миловидной внешностью, а точнее с кукольным личиком и миниатюрной фигурой, которую одел в юбку и топик — и ты уже девочка. Грудь можно и лифчиком сделать — это мне уже доказали.

— Саш, ну пойми, ты просто идеально подходишь под эту героиню, — ещё раз показывая на распечатку кивком головы и листая фото на своём фотике, усмехнулась Вика и как-то странно покосилась на Леху, что был второй моделью: — Так, Саша, снимай юбку, а ты, Леша, вставай перед ним на колени и обнимай, мне надо, чтобы ты недостаток груди скрыл. И это, Саш, мне надо, чтобы у тебя достоинства сзади не было видно, ты как-нибудь подтяни его там, чтоб все гладко было.

— Вик!!!

— Я не буду, он же гей, а вдруг он себе напридумывает чего? — отшатываясь от меня, испугано говорит Леха. Шаг, второй, третий, стол, графин наполненный до краев, и на мои вещи, сложенные аккуратной стопкой на столе, выливается вся вода. — Ой, буду-буду, Санек, прости.

— О том, что я гей, в этой комнате знали лишь трое, — обводя всех тяжелым взглядом, усмехнулся я, давая понять, что если узнает хоть кто-то еще, то все пожалеют. — Жди мести, Леха, и иди уже сюда быстро, отфоткаемся и по домам.

Ров Рома

Мерзкий звонок телефона разрывает тишину комнаты, и, конечно, мне надо было, пока я бежал с кухни к нему в спальню, долбануться аккуратно мизинцем об диван.

— Чего тебе, — зло рыкнул я в трубку.

— Брат, утихомирь свой пыл, и я вознагражу тебя, я кое-что узнал, — раздаётся голос младшего брата в трубке. — Твой Саша — гей, и сейчас он пойдёт домой в женском обличье. То есть его вещи на съёмке промокли, и Вика даст ему свои.

— И?

— Дебил, выходи на аллею между нашими дворами, встретить его и познакомься, а там уже решим, что будем делать дальше. И почему младшие всегда умнее?

— Домой придешь — уши надеру. Ладно, выхожу.

Ров Саша

— Маленькой девочке холодно весной, сейчас придёт насильник, и будет ой-ой-ой, — напевал я себе под нос, пиная очередной камешек.

Ну конечно, все забыли про мои вещи, и они остались мокрыми лежать на стуле ещё два часа съёмки. Вещи Викиного папы мне были жуть какие большие, да и, в принципе, все их вещи мне были большие, поэтому иду я домой в Викиных джинсах, зауженных, заталенных, и, вообще, писец каких узких. В её же футболке и лёгком свитере на замочке и куртке, даже лифчик одели, ну так, на случай конспирации. Лицо тоже оставили покрашенным, нет, ну, играть девушку, так на все сто. Как же под париком волосы чешутся.

— Ой, блин, — раздалось передо мной. — Ты чего творишь?

А я никогда не утверждал, что я чётко бью в цель, целился камешком в кусты, а попал не в кусты. В этом весь я, попал чётко парню в икру. Ну, стал бы он прыгать на другой ноге и материться, если бы не попал.

— Я нечаянно, прости, — стараюсь говорить более девчачьим голосом, попросил прощенья я, пытаюсь ещё невинную мордашку построить.

— Да ладно уж, — осматривая меня с головы до ног, проговорил он, останавливаясь на лице.

Не скрою, я тоже рассматривал его и приходил с каждой секундой к мысли, что я везунчик-идиот, встретил свой идеал, но в девчачьем прикиде. Высокий, с грубыми чертами лица, с

великолепной осанкой и таким же божественным телом. Короткие волосы мило взъерошены, пухлые губы и фактически синие глаза. Не айс мне сегодня везёт, парнем можно было в друзья набиться.

— Меня Рома зовут, — улыбнулся парень, а я поплыл.

— Саша, — тихо проговорил я, в который раз в голове благодаря маму за такое хорошее двойное имя.

— Ну вот и познакомились, давай я тебя провожу, не дело это, когда девушка в десять вечера одна разгуливает по дворам, — подходя ко мне и вставая рядом со мной, предлагает парень.

— А когда она идёт с незнакомым парнем это нормально, да? — усмехаюсь я, беря парня под руку. — У меня чёрный пояс по айкидо и кастет с газовым баллончиком в сумке. Это я так, предупреждаю.

— Намёк понят, нам далеко идти? — подстраиваясь под мой шаг, интересуется парень.

— Нет, ещё пару дворов и мы на месте, — в который раз ругая себя, что не умею врать в глаза, ответил я, указывая направление.

— Жаль.

Действительно жаль, потому что не прошло и пяти минут, как мы оказались около моего подъезда и теперь стояли друг на против друга. А в мою голову все никак не приходило идеи, как бы мне так намекнуть ему, что я не прочь с ним пообщаться ещё. Блин, да как же это девушки делают?

— Ммм?

— Можно я попрошу у тебя номер? — перебил он меня, улыбаясь.

Домой я летел, как на крыльях, заскочил в квартиру, взглянул на свою рожицу в зеркале и тут же осел на пол со стоном. Я забыл, что притворялся девушкой, вроде при разговоре это было не сильно заметно, а вот про внешность совсем забыл. Я сейчас совсем на себя не похож.

— Нда, у меня сын мало того что гей, теперь ещё и трансвестит. Сынок, ты уверен, что пороть тебя поздно? — голос мамы раздался ожидаемо с коридора кухни.

— Угу, уверен, это Викины вещи, на мои графин с водой упал.

— Спрашивать, как так получилось, не стоит? — я помотал головой в знак отрицания на её вопрос. — На что она задала следующий: — Значит, ты у меня не девочка?

— Пока нет...

Ещё с полчаса я отпаивал маму валерьянкой, а потом у неё случился откат. Сижусь я, значит,

за диваном, кошка рядом со мной, а мама рыскает по квартире с ремнем. Детский сад Ромашка "подготовительная группа", она ни разу меня ремнем не била, но каждый раз все равно страшно, а вдруг в этот раз сорвется.

— Саня, я с тобой в прятки не играю, а ну, вылезай, — раздаётся приказ мамы совсем рядом с диваном.

— Санчес, я тебе отвечаю, это она тебя, — выкидывая кошака за пределы дивана, усмехаюсь и заползаю подальше под кресло. — Санчес, как ты, вообще, здесь помещаешься. Упс, ой, мама, я застрял.

Теперь мама угорает, принципиально отодвинув кресло и освободив мои нижние конечности, запрыгивает на диван, перебирается и свешивается с кресла, разглядывая красного от натуги меня. Да, вылезти мне не судьба.

— Объясняй, — коротко просит она и смотрит мне в глаза, не умею я врать, когда она так смотрит.

— С Викой фоткались, ничего серьёзного, просто я переодевался и неудачно сложил вещи, а на них воду вылили, пришлось идти в её вещах, ты же знаешь, у меня, кроме неё, все на два-три размера больше. А насчет моего "пока нет", я, кажется, встретил его, а встретил я его, как ты понимаешь, вот в таком виде. Боюсь, что если он позовет меня на свидание или просто на прогулку, то придётся мне идти именно девочкой.

— То есть он думает, что ты девушка?

— Ну да, — кривая головой, ответил я.

— Жизнь дураков сама наказывает, смотри, не рыдай потом, — слезая с кресла и отодвигая его, со вздохом мирно произнесла она.

— Я мужчина, — возмутился я и поправил парик.

— Да ну? Непохож. Уроки сделал? Или мне опять краснеть завтра придётся.

— Как ты можешь так темы менять? Нет, не сделал, сейчас пойду делать, — на карачках выбираясь из под кресла, пробурчал я. — Только в душ схожу.

Неудачная была идея, поступать в универ, в котором мама замдиректором работает. Думал лафа будет, ага, размечтался, я из-за неё лучше половины универа учусь, да что там, у нас посвящение когда было, я оказался её личным слугой, чуть что, именно я бегал. Один плюс, с преподавателями у меня никогда не было проблем. Одна их жалоба, и, хочешь не хочешь, за интернет ты будешь исправляться, а если ещё и смартфон отберут, то и доклад им будет, и кофе утром.

— О, блин, доклад, — понимая, что сегодня мне предстоит, простонал я и зашёл в комнату.

Почти как каждый второй, я ненавижу утро, терпеть его не могу, особенно, когда я полночи доклад писал, а потом ещё умывался, брился, мыл голову, короче, зачем-то мне надо было это сделать именно ночью. Теперь страдаю от недосыпа и неуверенности в себе, на голове черте что, нефиг было спать с мокрой головой ложиться.

— Сань, вставай, мы приехали, — доносится совсем рядом голос мамы, а через минуту уже и угроза: — Я сейчас тебя к главному входу подвезу.

— Ухожу-ухожу, я в обед завалюсь к тебе поспать, у меня третьей и четвертой пары не будет, — целуя маму в щеку и сваливая с машины, предупредил я её и отправился по направлению к универу.

Зайдя в аудиторию понял, что поспать мне, ну никак, не дадут, Вичка уже чуть ли не подпрыгивала, зовя меня к себе.

— Ну, как дошёл вчера? Никто не приставал?

— Твоими мольбами. Я встретил свой идеал, мы познакомились и обменялись номерами, вчера он, на ночь глядя, пожелал мне спокойной ночи, думаю, свидание не за горами, — бухаясь на свободное место, отчитался я. — Так что ряды твоей одежды сильно сократятся.

— Стоп, он что не понял, что ты не девушка? — отрываясь от своего любимого фотоаппарата, удивлено поинтересовалась она.

— А ты бы поняла? — кривая на фото, что сейчас было открыто на фотике, серьёзно спросил я.

— А, ну да. Так, подожди, отношения отношениями, а дальше?

— Ну, платонические отношения же тоже бывают? — не знаю почему, но получилось так, как будто я не утверждал, а спрашивал.

— Ага, первые две недели, а потом вас медом не корми, вы под лифчик лезете, — обломала меня подруга.

А я задумался, между парнями иногда такая же фигня, не знаешь, когда будут решительные действия, так почему я решил, что между типо мной-девушкой и ним будет что-нибудь другое. Блин.

— Ну, значит схожу хоть на парочку свиданий, поцелуюсь вдоволь, единственное, мне нужна будет твоя помощь в нанесении на меня грима.

— Так, студенты, я, вообще-то, здесь уже десять минут стою, — раздался зычный голос преподавателя по экономике и праву. — Ротики закрыли.

На этом наш разговор с Викой прервался, она погрузилась в свой фотик, я в конспекты по старым темам. Но из головы все равно не выходит тот факт, что нифига из этой авантюры не выйдет. Даже если я буду как-то избегать близкого контакта, то когда-нибудь он все равно

случится, и благо, если я отделаюсь просто синяком под глазом, а может же быть и хуже. Вон, мой прошлый парень в первый день познакомил меня со своими друзьями, кто знает, что будет с этим, и как потом они отреагируют, когда он расскажет им правду. Нет, конечно, если расскажет. Все, голова пухнет.

Так, надо ставить его номер в чёрный список, погрузить от несбыточной надежды и забыть. Я всегда умел не поддаваться чувствам, а здраво мыслить, бестолку любить натуралов, они редко переходят на нашу сторону.

— Сань, ты чего? — по окончании пары поинтересовалась Вика.

— В чёрный список его добавил, теперь сожалею, что показал ему, где живу, хотя чего сожалеть, он парнем меня не узнаёт, — спокойно ответил я, ловя себя на том, что говорю это все с грустью.

— Нафига?

— Я все обдумал, ладно, забудь. Как там мои фото, ты куда их там выкладываешь, кстати, собралась?

Все, теперь её не заткнуть, она, конечно, вспомнит ещё обо мне, но это будет уже третья пара, и я буду спать у мамы в кабинете, а там найду ещё чем отмазаться. Из всего её диалога я осознал одно, в девушку мне больше точно нельзя одеваться, она собирается выложить их везде. Город у нас большой, сомневаюсь, что меня кто-нибудь да не узнает.

Так прошла вторая пара, я нифига не запомнил из-за её шепота, зато понял, что у меня великолепное тело, грациозная спина и обворожительная шея. А ножки, что она заставила меня побрить, вообще выше всех похвал. Я, кстати, был вообще весь побрит, от подмышек до волосков на пальцах ног, и сейчас это все очень сильно чесалось, но её это не волновало, она была под воодушевлением от всей вчерашней съёмки.

— Вик, я к маме.

— Зачем, у нас же...

— Александр Рогонов, прошу, пройдите к...

— Вот видишь, уже зовёт, — избегая дальнейших вопросов, ответил я и сбежал, улыбнувшись.

До маминого кабинета я добежал в считанные секунды. Добежал, постучался, вломился в кабинет и застыл. Затылок передо мной напомнил песню: "Ты узнаешь его из тысячи". В приемном кресле мамы сидел никто иной, как мой вчерашний знакомый.

— Я, наверно, не вовремя. Я, это, пойду, — попытавшись быстрее ретироваться, прошептал и только сделал шаг к выходу, как меня остановили.

— Саша, стой, ты как раз-таки вовремя, я же вызывала тебя.

— То есть ты вызывала меня не для того, чтобы я поспал у тебя в кабинете, а то я услышал и сразу подумал: "У меня такая понимающая мама, заботится о здоровье своего сына, что полночи не спал", — пока все это тараторил, я активно руками и мимикой пытался объяснить ей, что это мой вчерашний знакомый. Пытался с имитировать парик, краску на лице и даже встал на носочки, показывая, как я хожу на каблуках.

— Нет, Александр, — нда, мама вошла в режим педагога, мои кривлянья прошли даром, кстати, и почему Рома так и не повернулся ко мне. — Я вызвала вас, поскольку в последнее время у вас проблемы с математикой, а вот у этого молодого человека с иностранными языками. Так что с сегодняшнего дня вы будете друг другу помогать.

— Вас на секундочку можно? — с намеком произнёс я.

— Не обсуждается, поверьте мне, Александр, я поняла вас без слов, но вам нужен, как педагог, этот молодой человек. И пятой пары не будет, вы, в принципе, можете уже идти и позаниматься у нас дома.

— Ма, ты это специально что ли? — прошипел я, как только Роман покинул кабинет.

— Закончишь полугодие с четверкой по вышмату, считай что и геем прекратишь быть, я тебе все оторву и пробкой на замочке запру. Ясно? — точно также в ответ прошипели мне.

— Ты страшная женщина, мама, — округляя глаза от страха, тихо проговорил я. — Откуда ты это знаешь?

— Вали учится. Он знакомился с девушкой, а вчера даже я тебя не узнала, не переживай.

— Ну смотри, придешь и обнаружишь труп своего сына, потом волосы на голове не рви.

— Я тебе твои вырву, если год плохо закончить, вали учится.

Вообще, весь поход ко мне домой можно было ознаменовать лозунгом: "А я ничего не слышу, но смотрю и учитываю". Рома пытался завести диалог, я молчал в тряпочку. Во-первых, я, хоть убей, не помню каким с ним голосом разговаривал, потому боялся показаться знакомым. Во-вторых, меня прошиб холодный пот, мы же идем ко мне домой.

— Слушай, а может мы лучше к тебе? — и почему у меня умные мысли приходят запоздало.

— До тебя два двора осталось, — холодно ответили мне, нда, кажись он обиделся за то, что я игнорировал его всю дорогу.

— Откуда ты знаешь? — удивлено поинтересовался я, смотря на Рому.

— Все знают, где живёт твоя мама, — спокойно ответил парень, обходя меня.

— А, ну да, — со вздохом облегчения произнёс я и тут же расслабился, значит он навряд ли подумает что-нибудь не то.

Пройдя те самые два злополучных двора, мы подошли к моему подъезду, и я, по обыкновению, начал искать ключи в своём рюкзаке. Рома, кажется, и вовсе не обращал внимания, он водился в своей сотке и кому-то с периодичностью набирал, и, кажется, ему нравилось, что он не может дозвониться до абонента, улыбка у него уж больно садистская была.

— Честно, мне уже жаль того, кому ты пытаешься дозвониться, — открывая дверь своей квартиры, усмехнулся я.

— Ага, а как он сожалеть будет, что поставил меня в чёрный список, ты даже себе не представляешь, — мне кажется, или все это он проговорил с угрозой?

— А вдруг просто сотка разрядилась? — испугано проговорил я.

— Тоже вариант, возможно, так куда мне проходить? — снимая с себя обувь, поинтересовался парень, а я сглотнул, почему-то он меня сейчас пугает.

— Туда, дверь на право, — рукой показывая в сторону моей комнаты, как можно спокойней, попробовал ответить я. — Ты это, проходи, я пойду чай приготовлю, да руки помою.

Ага, сейчас, да я, как только зашёл в ванную, сразу убрал его из чёрного списка и получил просто массу смс и звонков. Ничего серьёзного, но как-то меня это пугает. Он слишком настойчив.

"Я все знаю", — а вот это смс меня напугало ещё больше.

Поставив сотку на беззвучный, я только в тот момент осознал, какой же я дурак. Я в секунды просто сдал себя, зачем же я убрал его из чёрного списка? Умывшись ледяной водой и вздохнув ещё раз, я вышел из ванны и наткнулся на стоящего возле двери Рому.

— Ты чего...

Сердце бьётся просто как сумасшедшее, мне кажется я даже слышу, как оно бьётся об ребра. Дыхание просто перехватывает от страха.

— Саш, с тобой все хорошо? Я руки пришёл помыть.

Как у меня не вырвался вздох облегчения, я не знаю, но Рома посмотрел на меня, как на дурака какого-то. Поэтому я быстро обогнул его, успев заметить, что у него очень вкусный парфюм. И смылся в свою комнату.

Две минуты на передышку и приведение комнаты в надлежащий вид, ну, там, носки по углам раскидать, и вроде норм. Комната у меня средних размеров, и, как говорится, все лежит на своих местах. Кровать в уголке, большой шкаф со встроенным в него столом, стул возле него и компьютер, ах да, и моя гордость, большой мягкий пуфик в виде груши. А так, вроде все.

— Я здесь, — заходя в комнату, отвлекает меня Рома и проходит на середину комнаты.

— Эм, ты на комнату внимания не обращай, мама мне её обустроивала, когда мне было двенадцать, поэтому все в таких нежно голубых тонах, — ну, пипец, я начал стесняется.

— Ну, пуфик, комп и шторы чёрные, — с улыбкой заметил он.

— Это уже мой апгрейд. Ладно, садись на стул, а я здесь на пуфике расположусь. С кого начнём, ну, то есть, кто кого будет учить сначала? — пододвигая пуфик к столу, интересуюсь я.

— Наверно, давай сначала я тебя. Проверим, как ты будешь запоминать, и какой из меня учитель.

С его последним предложением понял, что, во-первых, я извращенец, а во-вторых, что это будут мои самые тяжелые дополнительные уроки. Не знаю, специально он это или нет, но он сказал это таким сексуальным голосом, что сев на пуфик, я пообещал себе пить какое-нибудь успокоительное перед его приходом, иначе с таким стояком, что сейчас был у меня в штанах, мне будет абсолютно по барабану, что учить.

Звук ключа в замке, шуршание куртки, и вот он звук кинутых ботиночек. Как я ей сейчас все выскажу.

— Ну, как прошли ваши занятия? Он тебя не узнал? — подходя ко мне со спины, интересуется мама, положив руки на мои плечи, и уже более взволнованным голосом продолжает: — Саш? Это мой ромашковый чай? Сашенька, что случилось?

— Ничего, мама, не случилось, только то, что я осознал, что я полное ничтожество в математике, у моего идеала дрянной и садистский характер, и, кажется, я мазохист. Он меня бил по голове, — потирая затылок, по которому получил с десятков раз, буркнул я. — Насчёт последнего я не уверен, но некомфортно в физическом плане мне было весь урок. У меня до сих пор... А, ладно, не суть.

Не надо маме знать, что нижняя половина моего тела не совсем нормально реагировала на присутствие Ромы за моим столом. Он, кстати, через час психанул и свалил, ну, не могу я при нем спокойно учиться.

— Ма, кажется все, влюбился, — обречено произнёс я, укладывая свою голову на стол. — А он, по ходу, влюбился в меня девушку. Я с ним последний час переписываюсь, так не ведут себя те, которым просто понравился человек.

— Хм, тогда завойю. У тебя же с ним два месяца репетиторства есть. Игнорируй со стороны девушки, а со своей стороны соблазняй. Короче, не мне тебя учить, — лёгкий поцелуй в макушку, и мама покидает кухню, а я остаюсь один на один со своими мыслями.

— А почему бы и нет, — с легкой садистской улыбочкой говорю я сам себе и допиваю остатки чая. — Это мы умеем.

Ров Рома

— Ну что? — изучающий взгляд брата скользит, кажется, по всему мне. Как будто, если бы я потрахался, это можно было бы заметить с первого взгляда.

— Ты, блять, ещё принюхайся, них... не было, ведёт он себя, как одуванчик, — кидая свою сумку на второй этаж двухъярусной кровати, зло отвечаю я. — Я к нему — он от меня на полметра шарахается. Вот объясни систему: он вчера девкой тек от меня, а сегодня, как подменили.

— Пассив?

— И этим все сказано? Нет, здесь что-то иное, — плюхаясь на кровать брата, задумчиво проговорил я. — Вадим, ты уверен, что он гей, и я не за натуралом гоняюсь.

— Да, я сам лично слышал. Конечно, я уверен, и потом, ты же сам про него инфу собирал. Стоп, Ром, ты, блин, на что намекаешь, я что, блин, зря месяц к ним в доверие втирался? И вчера всю эту пошлятину снимал?

— Втирался ты в их доверие, потому что тебе его подруга нравится, а зря, между прочим.

— Не лезь в мою натуральную жизнь, Рома, в своей ненормальной разберись, — зло оборвал меня брат, скрепя зубами. — Трахаешь мужиков, вот и трахай, влюбился, твои проблемы. А мою Вику не трогай, по мне, так она в сотню раз лучше твоего Сашеньки.

Уже через три минуты мы сидели в разных углах комнаты, разогнанные мамой. Удивительно, но скалка в её руке постоянно помогает. Тяжело братьям погодкам.

— Ладно, тайм-аут, у каждого свои предпочтения, — примирительно проговорил я. — У меня завтра свидание с Сашей-девушкой, посмотрим, что из этого получится, а у тебя, если я не ошибаюсь, с Викой.

— Ага, ладно, давай мирится, тебе фотки со вчерашней съёмки показать?

Ясно дело, что я согласился, а потом очень сильно об этом пожалел и начал всерьёз обдумывать план, как бы пробраться в комнату этой самой любви Вадима и стереть с её компа и фотика фото моего будущего парня.

Ров Саша

Я спокоен, словно кот. Сплю, жру, придумываю очередной план по захвату Ромы и очередную отмазку, почему я девушкой не могу пойти с ним на свидание. Это уже две недели продолжается, нервы, нервы, нервы, а так я абсолютно спокоен.

— Вик, подай очередную идею, у меня уже все отмазки кончились, — дергая подругу за рукав, умоляюще проговорил я.

— Саш, хочешь, я дам тебе великолепный совет? — поворачиваясь ко мне, рычит подруга. — Пошли его на три весёлых буквы.

— На три я хожу, он ходит на пять, — с тем же сарказмом отвечаю я. — Он натурал.

— Сомневаюсь, я тебя уверяю, был бы он нормальным, он бы тебе уже всю твою прелестную физиономию разбил.

— Почему это?

— Потому что даже до натурала бы дошло, что ты его соблазняешь, одни твои походы в нижнем белье и открытые ссылки на гей порно чего стоят. Поверь мне, он понял, на что ты намекаешь. Просто почему-то пока не действуют. А ещё, странно, что он до сих пор за тобой-девчонкой бегаёт, вы же всего раз виделись, короче, ненормально это.

Наверно, она права, за последние две недели я уже не раз испытывал судьбу, и натурал давно бы меня укокошил. Чего я только не делал: и переодевался перед ним, и включал комп, на котором автоматом высвечивался любимый гей сайт, и в душ ходил, и чай на него проливал, заставляя его раздеваться, я даже ввёл в привычку обнимать его, когда он помогал мне. Нет, точно, она права, натурал бы так спокойно не реагировал на это.

— А может заставить его ревновать? — пробормотала Вика, рисуя на борте тетради какую-то загогулину. — Вон, попроси Леху, чтобы он симитировал твоего любовника, и дело с концом, если Рома разозлится, значит ещё не все потеряно.

— Вик, с тобой все нормально? Ты какая-то грустная в последнее время? — беря подругу за руку, интересуюсь я.

— Не заморачивайся, разберись со своим кадром, а потом будем разбираться с моим.

— Ты это про Вадима?

— Саш, я же говорю, не вникай, ты же знаешь, как мне тяжело.

Знаю то знаю, вот только, как помочь, не знаю, и, кажется, я своими проблемами только давя ей на большую мозоль и заставляю ещё больше нервничать. Надо быстрее решить свою проблему и помочь ей.

В поисках идей прошло все утро и день, в конечном счете, я все же пришёл домой и стал по обыкновению ждать Рому. Нихрена я не надумал, все идеи казались глупыми и детскими, а главное — несущественными.

И вот он — долгожданный стук, открываю дверь и все с той же улыбкой встречаю его, провожу в свою спальню. Мне кажется это садизм над самим собой.

— Слушай, Ром, нам надо поговорить, — садясь на свой пуфик, тяжело приговариваю я, набираясь смелости.

— Так говори, — вытаскивая из своего рюкзака тетради и даже не смотря на меня, отвечает он.

— Ром, как бы мне так помягче объяснить...

Ну, конечно, когда я, наконец, осмелился, меня надо было прервать. И прервать меня должен обязательно домашний телефон. Пройдя в зал, я принял звонок и, облокотившись рукой о подоконник, уставился на улицу, на которой только начала расцветать весна.

— Да, — рявкнул я в трубку.

— Саша, привет.

— Леша, чего тебе? Быстрее давай, — злость никуда не далась, она, кажется, только усилилась.

— Я тебя погулять хотел пригласить, — раздалось на том конце трубки.

— Отлично, я тебе отказываю в приглашении. Что-то ещё?

— Ты не понял, я тебя на свидание приглашаю, — неожиданно проговорил Леха.

— Леш, прости, но на свидание я с тобой тоже не пойду, — тяжело вздыхаю я, качая головой, наверно, сам для себя. — И не ты ли орал, что я гей, и ты боишься меня. Ладно, пойду, я здесь немного занят.

Надо было уходить в туалет, понял я в тот момент, когда развернувшись на сто восемьдесят градусов, я уставился на прислонившегося к косяку Рому. Да как он может быть таким спокойным, я вообще ничего по его лицу не понимаю.

— Ну, может, это и к лучшему, ты же понял, на какую тему я хотел с тобой поговорить? И я ещё признаться хочу, это я был Сашей, с который ты познакомился две недели назад. У нас с моей подругой косплей был, на мои вещи вылили воду, вот я и пошёл в её одежде. Я пытался тебя игнорировать по телефону, но ты упертый. Прости.

— Я знал, — пожимая плечами, спокойно ответил он. — Хотел сходить с тобой на свидание и разоблачить тебя, поэтому не отставал. Ладно, пойдём заниматься.

— И это все? — шокировано произнёс я, хлопая глазами. — Это вся твоя реакция?

— А что я должен сказать или сделать? — подходя ко мне и заставляя попой опереться об подоконник, спокойно спрашивает он. — Могу поцеловать, устроит?

— Вполне, — поднимая голову, изрекаю я, натываясь на его изучающий взгляд.

Привкус сигарет на губах, и меня, мягко приобняв за талию, притягивают к себе ближе. Его язык проникает в мой чуть приоткрытый рот и мягко касается языка. Секунда и его зубы мягко прикусывает мою нижнюю губу. А руки опускаются на мою попу и мягко сжимают оба полушария.

— Нахрена две недели притворялся, если все знал? — сквозь поцелуй интересуюсь я, приоткрывая глаза, которые закрыл во время поцелуя.

— Интересно было, что же ты ещё придумаешь?

— И как? Понравилось? — прищуриваясь, спрашиваю я, понимая, каким дебилом все это время выставил себя.

— Очень, вот только за твой выход из душа, я был готов тебя убить. И за то, что ты две недели отказывал мне в свидании с собой — девушкой. И можно я все остальное тебе немного позже расскажу, а сейчас осуществляю все свои пошлые фантазии по поводу тебя, раз мы разобрались во всем и осознали, что не просто так трахали друг другу мозги эти две недели? — опять складывая свои руки на моей попе, отвечает Рома.

— Ром, так я тебе нравлюсь? Ну, в смысле, так же как и ты мне?

— Саша! А нахрена бы мне было две недели ходить сюда и терпеть все эти твои выкрутасы. Нравишься очень, я уже два месяца за тобой наблюдаю, и на аллее не просто так стоял две недели назад, а сейчас еще до звездочек перед глазами хочу тебя. Давай я сейчас тебя, как девственника, уговаривать не буду.

Я, наверно, впервые в жизни так сильно краснею, кажется, что мои уши и щеки сейчас просто вспыхнут. Со всеми своими бывшими я ещё ни разу не доходил до заключительной части, поэтому, когда Рома посмотрел на меня с сомнением, я покраснел в разы сильнее, чем вызвал его удивленный взгляд и поднятие моего подбородка пальцами.

— Ты что, серьёзно? — шокировано спрашивает он.

— Нет, шучу, блин, конечно серьёзно, там прелюдии всякие были, но прямого проникновения ещё ни разу, — смотря на его счастливую мордочку, отвечаю я и с подозрением продолжаю: — Ты чего такой счастливый, будто миллион выиграл?

— Значит, я буду первым, — подхватывая меня под попу и унося в спальню, счастливо изрекает он, только после очередного поцелуя аккуратно опускает меня на кровать и начинает раздавать.

— В тебе, кажется, живёт два человека, я за две недели наблюдал только молчаливого тебя, — понимая, что моя футболка улетела, говорю я.

— Я боялся сорваться, — его ответ, и теперь его футболка летит в какой-то угол.

— А теперь ты ведешь себя, как плюшевый медвежонок, — пытаюсь сопротивляться и не отдавать ему мои домашние шорты, возмущаюсь я.

— А теперь я знаю, что можно сорваться, — его ответ, рывок, и шорты вместе с бельем летят на мой пуфик.

— А каким ты бываешь ещё? — прикрывая ладошками самое дорогое, интересуюсь я, не в силах оторвать своего взгляда от его торса.

— Как и все, я бывают разным, но вот такой и молчаливый — это мои основные черты, ну и с братом я иногда бываю груб, — расстегивая свои джинсы, отвечает он и, укладывая меня на

кровать, облокачивается на локти около моего лица, после чего целует.

Он меня отвлекает, возбуждает и не даёт нормально мыслить, осознавать ситуацию. Я прекрасно понимаю, что сейчас произойдёт и, вроде, уже даже не страшно, но все равно как-то не верится. Я влюбился в него, как только увидел, а он, оказывается, уже два месяца, как меня приметил. Офигеть, а если?

— А...

— Сашенька, помолчи, пожалуйста, наслаждайся, и дай насладиться мне.

— Я сейчас как всем наслажусь, — рык мамы был столь неожиданным, что, честное слово, я не знаю, наверно, это годы тренировок, но уже через секунду я был под одеялом, накрывшись им с головой. — Чтоб через две минуты были в надлежавшем виде на кухне. И возьми ты телефон, он уже пять минут, как разрывается.

— Так ты ждала подходящего момента, чтоб зайти? — возмущено вскрикиваю я, вылезая из-под отдела. Э... зря я так быстро вылез, моя сотка прилетела аккурат мне в нос.

— Я не планировала заходить, меня выбесил твой сотовый, — хлопок двери, и мама что-то ещё бурча уходит.

Взгляд на экран телефона, нда, Вичка, умеешь ты обламывать. Мама же правду говорила, она бы и не зашла, её просто всегда бесит моя мелодия, а мою сотку на беззвучный она ставить не умеет.

— Да, Вик? — говорю я в трубку и рукой показываю шокированному Роме поторопиться в облачении своей одежды.

— Он узнал, — всхлип, ещё один, и на том конце трубки раздаются рыдания. — Я не хотела, я хотела его подготовить, а он узнал, я оставила его искать фильм, сама пошла за чаем, а он залез в нашу с тобой постельную вечеринку и узнал.

— Вик, Вик, он что-нибудь сделал? Вик, прекрати плакать.

Только не это, последний парень, что узнал её секрет, сделал тогда непоправимое, он банально изнасиловал ее. Тогда с её отцом нам пришлось очень долго выводить её из того состояния, в которое она погрузилась.

— Вик, я сейчас буду, дождись меня, пожалуйста, только ради бога, не делай с собой ничего.

Всхлипы и рыдания просто не прекращались, она что-то бормотала и, кажется, совсем не слышала меня. А я просто одевался, настолько быстро, насколько мог.

Ещё две секунды, ловлю взгляд мамы в проёме двери, и, кажется, она понимает меня с полуслова, потому что убегает, и когда я уже напяливаю кроссовки в коридоре, мне в руки

впихивается рюкзак и аптечка.

Бормотание в трубке продолжается, а я бегу, молясь, чтобы они не прекратились, и она ничего с собой не сделала, второй раз будет сложнее. Второй раз будет непоправимым. Ещё один двор, знакомая лестница, первый этаж, похрен на лифт, шесть этажей это не так много. Взлетаю на лестничную площадку и начинаю рыться в своих карманах.

— Где эти гребаные ключи, — отключая уже ненужную мне сотку, рычу я и запихиваю её в карман.

— Успокойся, — рык рядом, меня встряхивают, и только в этот момент я понимаю, что Рома побежал со мной, и сейчас стоит, точно также тяжело дышит и держит меня за плечи. — Во внутреннем кармане куртки.

Киваю, сглатываю, в секунды решаю, что лишняя сила не будет лишней, достаю ключи и открываю дверь. В нос бьёт запах алкоголя, след тёмно-коричневой жидкости теряется в спальне Вики, в которую я врываюсь секундой позже.

Все та же обстановка, комната в светло бежевых тонах, большая двухспальная кровать, телевизор на одной стене, комп около другой, в уголке напротив зеркало и комод, на котором расположилась куча косметики.

— Вик?

Всхлип раздаётся из угла, который незаметен с первого взгляда, то есть за компом, обхожу и вижу не очень радужную картину. Её майка разорвана в клочья, фингал под глазом и рассеченная губа, на шортах разорвана ширинка, но вроде никаких жидкостей и крови нет.

— Солнышко, Вик, — сажусь перед ней на колени и поднимаю её подбородок.

Мутные глаза, кажется, не видят меня, она будто ушла в себя, как когда-то давно. Прости, но, кажется, выход только один.

— Виктор, блядь, очнись, — хлесткая пощечина, его голова дергается из стороны в сторону, а на меня уже смотрят более осмысленные глаза. — Прости.

— Он ничего не сделал, но мне кажется, что моё сердце разорвалось.

— А я говорил тебе, придурку, не связываться с натуралами, — снимая с него порванный топик и такой же разорванный лифчик, буркнул я и начал снимать с него шорты.

— Он парень? — шокировано раздается позади меня, чёрт, я опять забыл о Роме.

2

Глава 2

— Вы звоните, если что, если станет хуже или плакать начнет, а, ну, вы и сами знаете, — качая головой, предупреждаю я папу Вика.

— Иди, Саш, не переживай, здесь просто разбитое сердце, он проспит до утра, так что иди домой, — потирая лицо ладонями, отвечает он. — Но если что, я позвоню.

— Я завтра утром приду, заменю вас, — выходя из квартиры, отвечаю я и начинаю спускаться по лестнице. — До завтра.

— До завтра.

Тяжело вздохнув, я все же пошёл вниз, я бы и рад остаться, но, во-первых, ещё предстоит разговор с мамой, во-вторых, мне сегодня же надо найти этого гребаного Вадима, и, в-третьих, мне ещё предстоит разговор с Ромой. Чувствую себя, блин, дипломатом, сколько разговоров и только за один день.

— Курить вредно, — подходя к скамейке, на которой расположился Рома, заметил я, смотря на его сигарету.

— Ага, и давно он так? — делая очередную затяжку, интересуется он.

— Лет с шести, от них тогда мама ушла, отец вечно на работе, и на него скинулось все, вплоть до готовки, уборки и прочего. Как тогда объяснила моя мама — это психологический стресс, возможно, если бы это случилось позже, все было бы по-другому, но уже ничего не исправить, он привык, да и все привыкли. Папа его, конечно, не отчаивается, но Вик добился от него, что в двадцать один он поменяет ему документы.

— Это реально? Я про документы.

— Папа у Вика не последний человек в нашем городе, так что думаю, да, — пожимая плечами и беря сотку в руки, отвечаю я и начинаю искать в нем номер Лехи. — Сейчас, подожди, я Лехе позвоню, что-то я не подумал номер Вадима у Вика в сотке найти.

— Не надо искать, я знаю, где он живёт, пошли.

— Откуда ты знаешь? Он же на первом курсе, а ты на третьем.

— А откуда я про тебя знаю? — поднимаясь со скамейки, отвечает он и выбрасывает сигарету в ближайшую урну. — Он мой младший брат.

Под впечатлением я прошёл большую часть пути, и только потом до меня дошло, почему они, блин, так с ним похожи. Интересно, а они все это специально повернули?

— А? — начал я, но меня перебили.

— Да, Вадим специально с вами сдружился, он до знакомства с твоим другом ни разу в жизни камеру не держал. Второй его задачей было присматривать за тобой, это странно было бы, если бы третьекурсник подошёл к вам.

— Да вы стратеги, а что планировалось?

— Планировалось, что он разузнает про тебя и познакомит меня с тобой, так было бы проще. Пойдём, вон мой дом, — показывая рукой на ближайший подъезд обычной одиннадцатизэтажки, приглашает он. — Вадим дома, я ему звонил, пока ты с папой Вика

разбирался.

Восемь этажей на лифте, бедный я, зажатый к стене, приподняв меня за подбородок, он достаивает меня короткого поцелуя в губы. Звук останавливающегося лифта, пора выходить. Подъезд, как подъезд, исписан не сильно, но обыкновенные банальные записи есть и здесь.

— Мне его бить нельзя? — интересуюсь я, когда меня проводят к спальне.

Если честно, я успел осмотреть лишь коридор, ясно дело, что ничего в нем интересного не было, зато я понял одно: семья у моего Ромы полная и даже, кажется, есть младшая сестренка. По обуви всегда можно понять, кто живёт в доме.

— Нет, бить нельзя, и потом, Саш, твой друг тоже виноват, — честно отвечает Рома, качая головой и пропуская меня в спальню.

Честное слово, захотелось запищать, правая сторона комнаты нежно-бежевого цвета, стена с окном цвета тёмного шоколада, а вот левая стена была вся в росписи, какой-то абстрактный рисунок, сделанный чёрными красками. На бежевой стороне расположилась двухъярусная кровать, на шоколадной — большой двухместный стол от стены до стены, а вот на абстрактной стороне стояла барабанная установка. Все, меня из этой комнаты не выгонят. У них даже занавески грамотно подобраны.

— Я хочу себе такую комнату, — на выдохе произнёс я.

— Уговоришь Вадима, и он тебе и не такое сделает: весь дизайн и зарисовки — это его творчество, — показывая глазами на второй этаж кровати, с усмешкой отвечает Рома. — Вадим, сползай с моего этажа, пойдём поговорим.

— Нах...?

— Не порть о себе впечатление, слезай, я сказал, — рывкнул Рома, и, честно, я даже подскочил от его крика.

— Ну чего? Хотите отругать меня за то, что я ударил парня, который притворялся и водил меня за нос почти два месяца? — спрыгивая с кровати, зло спрашивает Вадим, обходя меня.

— Нет, я только хочу попросить: не рассказывай, пожалуйста, об этом в институте, — скрепив руки в замок, прошу я. — Если об этом станет известно, то ему, скорее всего, опять придётся менять место обучения.

— В смысле опять? — поинтересовался Рома, лежа свою руку на плечо Вадима. — Ты так и не объяснил мне, что тогда произошло.

— Ну, произошло, примерно, тоже самое, он точно также влюбился, тогда ему было пятнадцать. Понимаете, да, первая любовь и прочее. Они были знакомы месяц, только в тот раз парень полез к нему под кофту, ну, и избиением там не закончилось. Когда я приехал, то нашёл Вика в ванной, всего в крови, синяках и сперме. Объяснять, что с ним сделали, я думаю, не стоит. Вик, до сих пор молчит и не рассказывает, был ли тот парень один или нет.

Молчание в комнате угнетало. Я понимаю, что оправдывать Вика бестолку, в какой-то мере он сам виноват, такое вранье — это слишком. Я ему сколько раз говорил, что надо хотя бы намекать.

— Вадим, ну согласишься, ты же предлагал ему встречается? — садясь на стул около стола, спросил я. — А он тебе ответил, что не может по личной ситуации? Я даже не ошибусь, если скажу, что предложил встретиться ты ему вчера, а сегодня он тебе мягко отказал. Он после того случая ни с кем не встречается, для него все друзья и не более.

— Он влюблен? — скептически поинтересовался Вадим. — В меня? Да ну.

— А что, если и так? Он что, влюбиться не может? — возмущено поинтересовался я и не менее возмущено продолжил: — Он же к тебе с признанием не подходит.

— Саш, успокойся, — осадил меня Рома, посмотрев мне в глаза.

— Ладно, прости, и прими мои слова и просьбу серьезно, не рассказывай никому о том, что ты узнал, а он со своей стороны пообещал, что даже смотреть в твою сторону не будет. согласишься, ты будешь видеть его ещё три года, потом наши пути разбегутся, и все, больше ты с ним не встретишься.

— Хорошо, я понял, это все о чем ты хотел со мной поговорить? — холодно поинтересовался этот вечно весёлый парень, по крайней мере, именно таким я его всегда видел.

— Да, — кивнув головой, ответил я и все же не смог удержаться. — Вадим, а если я денег накоплю, ты сможешь сделать мне такую же комнату?

— Деньги на мебель накопи, а дизайн я тебе по знакомству сделаю, — слабо улыбаясь, ответил мне он, кивая на Рому.

— А что теперь будет с Виктором? — когда мы уже подходили к моему дому, поинтересовался Рома.

— С Викой, Рома, с Викой, а насчёт твоего вопроса. Она справится, просто ей нужно время. Этот переход очень важен, надо просто в какой-то момент вычеркивать его мужскую черту и вновь воспринимать его, как девушку. Первое время тяжело, потом привыкнешь.

Две недели спустя

— Вика, ну, пожалуйста. Викуличка, солнышко, зайка, лапочка, ну, пожалуйста, ну пойдём, ну это моё первое свидание с ним, — складывая руки в молящем жесте, уламывал я её вот уже с полчаса.

— Вот тем более, и зачем я вам там? — складывая руки на груди, возмутилась она, вставая с компьютерного кресла.

— Я его эти две недели кидал с прогулками и сексом, я же к тебе бегал, и, короче, когда я вчера заикнулся насчёт погулять, он с сарказмом ответил, что пойдёт со мной, если только и ты будешь присутствовать. А потом заметил, что пора вытаскивать тебя из депрессии, так я буду дольше в его распоряжении.

— То есть ваше свидание, это будет что-то наподобие антистрессовой программы для меня? Я правильно понимаю? — улыбнулась она, подходя к шкафу. — Ну, смотрите, вы сами нарвались, я пойду, но у меня тоже будет условие.

— Какое? — с опаской поинтересовался я, наблюдая за тем, как на кровать рядом со мной падает комплект нижнего белья и светло голубые джинсы.

Хитрый взгляд зелёных глаз и яркая улыбка Вики отвечали сами за себя. Сейчас, ненакрашенная, она была очень похожа на парня, но полчаса и косметика, и я знаю, что это будет великолепная девушка, перед которой просто строятся парни. Боюсь, что и из меня в те же полчаса очень быстро сделают девушку.

— Ты уже понял, — снимая с себя майку и кидая её в кучу вещей в шкафу, усмехается она и стягивает шорты вместе с нижним бельем. — Раздевайся.

А что делать? Что делать? Приходится подчиниться, в конце концов, он же когда-то хотел сходить со мной на свидание с девушкой. Вот и будет ему исполнение его желания.

— Сегодня я лишусь девственности, я сам себя трахнуть хочу, — рассматривая себя в нижнем бельё, которое нацепила на меня Вика, усмехнулся я.

Чёрное кружевное бельё: трусики-шортики, лифчик первого размера с какими-то вставками, но это только для вида и создания объёма, и шик всего комплекта: чулки на тоненьких ленточках, что крепились к конструкции на талии. Я даже не знаю, как она называется, но выглядело это ахуительно. Как-то для интереса мы с ней измерялись по женским стандартам, мы только в груди проигрывали, она по сантиметрам была у нас восемьдесят два, талия и бедра были в положенных размерах шестьдесят-девяносто. Прибавим к этому рост сто семьдесят, и мы почти модели.

— Вик, а ты? Хм, инь-янь? — смотря, как она одевает белоснежное бельё, усмехнувшись, замечаю я. — А что ты оденешь под белые чулки?

— Я одену джинсы, я просто не хочу от тебя отставать, а вот ты оденешь вот это платье, — ответила она, кидая мне в руки темно-синее платье до колен, что до талии было узким и в облипочку, а ниже расходилось в клеш.

— Эй!

— Ты считаешь, что во время твоего свидания у тебя не встанет? — только в этот момент я осознал её затею, встанет и не раз, а юбка-клеш все прикроет.

— Ясно, понятно, — напяливая платье, буркнул я, смотря, как она ловко втискивается в чуть свободные джинсы, натягивает кофту с длинными рукавами и зарывается опять в шкаф. Я один раз видел, как она прячет свои причиндалы, теперь стараюсь отворачиваться.

Через ещё час мы были готовы, а точнее накрашены по самое не могу. Этой гадючке везет, она себе фото эпиляцию сделала везде, где можно, а когда я случайно закинул ногу на ногу, и она увидела мои ноги, потом посмотрела на лицо, цокнула, приказала раздеваться и идти бриться везде. Наверно, именно поэтому мы так долго красились и одевались. На общие сборы на свидание ушло два часа. Бедные девушки.

Ветерок гуляет, все нахрен продувает. Молча, ругаю Вику в своей голове последними матами и ещё раз сочувствую девушкам. Вроде уже как бы весна, а ветер, блин, холодненький, и как они в этих чулках ходят?

— Блин, ещё пять минут, и уходим нахрен, — бурчу я себе под нос, смотря на спокойно поедающую мороженое Вику. — Ты, блин, мороженое специально жрешь, чтоб мне ещё холоднее стало?

— Саша, успокойся, он нас полчаса ждал, он же тебе написал: "Я тогда на пять минут отлучусь и буду". Может он в туалет пошёл?

— Ага, конечно, ему что, тяжело было ещё немного подожд...

— Ты чего? — спросила Вика, а я понял, что не успею дотянуться до неё и не дать ей повернуться.

Она успела, увидела, зло посмотрела на меня и, развернувшись, прочеканила сквозь зубы:

— Спасибо, что устроил мне антистрессовую прогулку.

— Вика, это не я, честно, — пытаюсь её остановить, пробормотал я, но она уже уходила, а я на каблуках бегать не умею, даже на таких маленьких, на которые она заставила меня встать, поэтому её упустил. Но, как только я повернулся, чтобы зло посмотреть на парней, мимо меня пронёсся Вадим с охапкой роз.

— Рома! — зло рявкнул я, как только мой парень подошёл ко мне.

— Великолепно выглядишь, прости, что так долго ходили за вторым букетом, я же не знал, что ты будешь в таком чудесном виде, — протягивая мне букет нежно-розовых роз, улыбаясь, отвечает он, нежно целует в щеку и разворачивает меня в то направление, куда умчались Вика и Вадим. — Ну что, понаблюдаем, как они будут мириться?

А наблюдать было за чем. Они, кажется, не мирились, они тупо друг на друга орали. О чем орали, я не слышал, но, по напряжённой позе Вики и вечно размахивающим букетом Вадимом, складывалось именно такое впечатление. И именно в ту самую секунду, когда я думал, что пора вмешаться, Вадим разворачивается, отходит на три метра от Вики, потом опять поворачивается к ней, подходит, впихивает ей букет в руки и опять разворачивается, опять отходит на три метра, поднимает голову, смотрит на меня с Ромой, стоящих в обнимку, и будто решается, потому что он сжимает кулаки, разворачивается на сто восемьдесят градусов и, преодолев расстояние между ними, хватает Вику за талию, притягивает и целует.

Готов поспорить, что Вика в шоке, потому что она просто не отвечает, секунда, другая, и у меня вырывается вздох облегчения, она ответила и положила свободную от цветов руку ему на шею.

— Ну, все, не подглядывай, и, вообще, у нас свидания разные, нам с ними не по пути.

— А? — кажется, намеки ему уже не нужны.

— Я их помирил? Мозги брату вправил? Вика больше не в депрессии?

На каждый его вопрос я кивал головой, на что в конце получил довольную улыбку чеширского кота и какое-то угрожающее:

— Сейчас мы идём в кино, потом пообедаем в кафе, а после я хочу своё вознаграждение.

Я, конечно, продвинутый и, наверно, понимаю, на какой фильм хотел пойти Рома, но пошли

мы на Губку Боба в 3D. Ну, зачем будоражить того, который все равно разложит меня к вечеру? Мне ещё бдсм-а не хватает.

— А почему не на Пятьдесят оттенков? — усмехнулся Рома, рассматривая билеты в своих руках.

— Я боюсь за своё положение после его просмотра, а вдруг тебе понравится, и ты решишь все опробовать на мне, — заходя в кинозал, спокойно ответил я и пошёл на наши места.

Как там говорится: "Если вы хотите обсудить со своим молодым человеком фильм, на который вы ходили, посмотрите его дома. На последнем ряду вам не дадут посмотреть и половины". Вот так вышло и в нашем походе. Последний ряд, большой зал, кинотеатр расположенный в парке, соответственно народа мало. Чего ещё для поцелуев надо.

— Ром, хватит, у меня губы уже болят, а фильм минут через двадцать закончится, надо остыть, — проговорил я через все тот же поцелуй, и болят не только губы, кажется, напряжена каждая частичка тела, член уже полчаса как не знает, что такое спокойствие. — Все, дай слезть.

На последних словах я сделал усилие над собой и слез с колен, на которые меня посадили ещё в начале фильма. Поправил юбку платья, посмотрел на будто пьяные от желания глаза Ромы и на его руку, что сжала свой собственный член, и принял ещё одно маленькое решение. А почему бы и нет, народа в кинотеатре мало, а на нашем ряду и вовсе никого нет. Поэтому, не давая себе на раздумье лишней минуты, я, чуть согнувшись, встал, раздвинул ноги Ромы и удобно пристроился между ними.

— Саш?

— Ой, молчи уже, — тихая усмешка срывается с губ, и я расстегиваю ширинку на его джинсах, чуть отодвигаю ткань нижнего белья и наслаждаюсь видом его члена, набухший, с уже покрасневшей головкой и чётко прорисованными венами. Не громадный, вполне себе нормальных размеров, но в рот уж точно весь не поместится: — Прелесть.

Лизнуть головку языком от уздечки до самого кончика, обогнуть её по окружности, аккуратно взять пальцами член и, лишь немного направив, взять головку в свой рот полностью, заглотить глубже. Теперь мои движения все более уверенные, его руки сжимают подлокотники кресла, а я экспериментирую все активней. Выпустить член изо рта, скользнуть языком по стволу и в месте соединения ткани между яичками и самим членом чуть прикусить пульсирующую плоть. Услышать стон сквозь зубы и решить, что хватит, поэтому я опять вбираю его плоть в свой рот и реально с удовольствием начинаю посасывать. Ещё три минуты, начинает болеть шея от постоянного движения вверх-вниз, и в какой-то момент меня грубо отталкивают. Белесая жидкость пачкает его живот, а я спокойно сажусь на своё место, смотрю на часы и понимаю, у меня есть десять минут, чтобы посмотреть фильм.

— Ром, ты видел тот последний момент? — с улыбкой поинтересовался я, выходя из зала кинотеатра.

— Последние десять минут я ничего не видел, я думал, — с лёгкой улыбкой ответили мне, уверенно беря меня за талию и направляя тем самым нас на выход. — Так куда, в пиццерию или в обычное кафе?

Поход в пиццерию занял не так много времени, и, каким-то волшебным образом, мы оказались совсем недалеко от его дома, и, вообще, не знаю, как я мог повестись, но меня

заташили в квартиру под предлогом: "Надо посмотреть, что же было в последнем моменте фильма".

— Ты знаешь, что это самый глупый предлог, который я слышал в своей жизни, — усмехнулся я, разуваясь в его прихожей.

— Зато действенный, я все-таки затащил тебя к себе в берлогу, и потом, я же вижу, что ты начал замерзать, чья, вообще, была идея из тебя девушку делать? — с улыбкой отвечает-спрашивает он и уходит на кухню. — Тебе чёрный или зелёный чай?

— Вики, это было её условие, — проходя на кухню за Ромой, пробормотал я. — И мне чёрный. А можно я на втором этаже полежу? Всегда мечтал поспать на втором этаже.

— Так ты просто полежать или все же поспать на нем хочешь? — со смехом уточнил он.

— Одно другому не мешает, — уходя в спальню, пробормотал я.

Я, как единственный ребёнок в семье, всегда мечтал... Нет, не о братике и сестренке, эту роль всегда заменяла Вика, я всегда мечтал о бункере или своём личном штабе, а где его строить? Конечно на втором этаже, которого у меня никогда не было, поэтому первое, что я сделал, когда зашел в комнату, забрался на второй этаж, прихватил две подушки с первого и начал строить себе бункер.

— Саш, тебе уже девятнадцать лет, — заметил Рома, видимо, зайдя в комнату.

— Да хоть тридцать, я что, не имею право на пятнадцать минут почувствовать себя ребенком? — выпутываясь из-под одеяла, бурчу я. — У меня бункер, ко мне помощником пойдешь.

С тридцать секунд тишины, я слышу тихую усмешку, звук отодвигаемой полки шкафа, и уже через десять секунд он забирается ко мне под одеяло и включает...

— Фонарик? Ты за ним в шкаф лазил? — удивлено интересуюсь я.

— Нет, в шкаф я лазил вот за этим, — улыбка чеширского кота, и передо мной падает пачка презервативов, и на меня начинают надвигаться.

— И это все? — улыбаясь, спрашиваю я, даже не двинувшись с места.

— Все остальное в штанах, — аккуратно укладывая меня на лопатки, отвечает он, и первый поцелуй достигает шеи.

Легкие, нежные и очень медленные, хочется стукнуть его за эту медлительность, потому что тело уже горит, а он ещё продолжает целовать шею и ключицы. Его руки касаются ног, раздвигают их и скользят выше.

— Вау, — удивленный возглас, и он, видимо, чтобы удостовериться ещё раз, поглаживает ту часть ног, что абсолютно голая. — А давай мы с тебя платье снимем.

— Ага, сейчас, отпускай меня, мне в душ надо, — вырываясь из его загребущих лапок, рычу я.

— Зачем? — а главное, сколько удивления в голосе, поэтому, не теряя времени, я убираю одеяло, которое накрывало нас и снимаю парик. — О-о-о, ясно. Тогда, конечно, сначала душ.

Конечно в душ, на мне тонна косметики, зализанные гелем волосы, и, вообще, без парика я выгляжу страшно, конечно, душ. Поэтому, спрыгнув со второго этажа, я закрылся в ванной и начал все стирать с себя. Запоздалая мысль, в чем я пойду домой, была, как я заметил, запоздалая.

— Блин, Ром, а у тебя будут вещи, в которых я смогу домой пойти? — заходя в комнату, интересуюсь я, поправляя полотенце на своих бедрах и кидая Вишины вещи на стул.

— Будут, марш на второй этаж, по полу дует.

— Врешь, — залезая по лестнице на второй этаж, сообщаю я и сажусь в позу лотоса перед ним.

— Вру, — смотря мне в глаза, отвечает он и, приподняв меня, снимает с меня полотенце.

Аккуратные прикосновения пальцев к ключицам вызывают мурашки по всему телу. Руки скользят дальше, останавливаются на бедрах и замирают.

— Ром, я уже морально за эти две недели подготовился, — кивая головой, взволновано приговариваю я. — Ты можешь не нежничать.

— Ты, вообще, осознаешь, на что ты нарываешься, — укладывая меня на лопатки и пристраиваясь между моих разведенных ног, интересуется он и прикасается своими губами к моим.

Чувствую себя странно, вроде все знаю, а все равно чувствую себя ребёнком, лежа перед ним, он все делает не так, как описывают. Он целует глубоко, страстно, его руки, кажется, были уже абсолютно везде, тело горит, а мозг отказывается здраво мыслить.

— Да что же ты такой медленный, — хватая его за плечи и сжимая их, ною я, когда он спускается своими губами к моему животу и начинает этими гребаными мелкими поцелуями возбуждать ещё сильнее: — Рома.

И в ответ тишина, он лишь хватает мои руки, сжимает запястья в одной своей руке. А второй закидывает одну мою ногу к себе на плечо. Мамочки, да когда он успел раздеться?

Тихое "ах", и я стараюсь дышать глубже и не закусывать губы, когда его язык и губы перемещаются к паху. Чуть колючая щека трется о член, заставляя содрогаться от ощущений. Ещё мгновение и пальцы перемещаются с бедер на ягодицы, разводят их, гладят, поглаживают, лёгкий толчок, и он начинает медленно проникать в меня.

— Ром, не надо, пожалуйста, — пытаюсь вырвать свои руки из его захвата, умоляю я и тут же, со стоном исходящим из груди, задыхаюсь.

Горячий язык касается головки члена, скользит дальше и секундой позже он вбирает мой член себе в рот. Меня банально выгибает, потому что одновременно с этими действиями, он полностью вводит в меня палец. Задыхаюсь, облизываю губы и подаюсь к нему ещё ближе. Хочется опять закричать на него, но он будто читает мысли, не давая опомниться, вводит второй палец, разводит, прокручивает, толкается глубже. Правду говорят, самому себя так не удовлетворить.

Прикрываю глаза, шире развожу ноги и смотрю на своего мучителя, что, кажется, наслаждается моими мучениями. Ещё секунда, и он нависает надо мною, вынимает из меня

пальцы и берет презерватив из пачки, раскатывает его по своему члену, и ложится на меня, опираясь локтями около моего лица. Под бедрами подушка, я ощущаю липкую смазку между ягодиц и твёрдый член, что скользит между ними.

— Да ты садист, Рома, — опрокидывая его на спину и усаживаясь на его бедра, возбуждено возмущаюсь я.

— Аккуратно.

— Не дурак, — беря его член в свою руку и направляя его в себя, шипя, отвечаю я.

Направить, чуть напрячь бедра и попытаться расслабиться. И задышать очень часто, когда ты понимаешь, что это только головка, а тебе уже больно и неудобно. Первый нежный поцелуй касается подбородка, поднимается выше к губам. Рома удерживает меня за бедра и даёт привыкнуть, ещё, ещё немного, и я, чуть разведя ноги, понимаю, что все же вобрал его полностью.

— С пальцами все же проще, — нервно шучу я и прошу. — Ты пока не двигайся, я попробую сам.

Короткие толчки со временем меняются на более уверенные. Его руки все сильнее сжимают мои бедра, опираюсь рукой на стену, пытаюсь свободной рукой помочь себе, но добиваюсь лишь лёгкого возбуждения. Ещё пара толчков, и Рома останавливает меня руками, уверенно берет меня за бедра и начинает двигаться сам. Вверх-вниз, толчки глубокие, уверенные, хочется закрыть глаза от ощущений, но хочется видеть, как он плотно сжимает челюсть и глубоко дышит, продолжая вбиваться в меня и не давая ускользнуть.

Ещё пара толчков и боль где-то там, на грани слышимости, свой собственный член твердеет и пульсирует у меня в руке, открываю глаза, смотрю на картину подо мной и кончаю только от того, что вижу, как он закусывает свою губу и смотрит мне в глаза.

Фейерверк перед глазами, кончаю себе в руку, прикрываю глаза и вскрикиваю, когда он насаживает меня до упора и замирает.

— Думаю, в следующий раз я прикуплю кляп, — поглаживая меня по голове, с усмешкой сообщают мне минут через десять.

— Ты, кажется, офигел, — возмущено бурчу я, приподнимая голову и натываясь на его смеющийся взгляд. — Гад, вообще-то это больно.

— Вообще-то, когда тебе было больно, ты молчал, а вот когда кончал...

— Рома, заткнись, лететь два этажа, хоть и ковёр, но падать все равно больно будет.

— Да понял я, ну, значит, придётся искать квартиру с толстыми стенами. Намёк понят? — улыбаясь, интересуется он.

— С такими намеками обращаться только через полгода, я парень приличный, — утыкаясь лицом в свои руки, отвечаю и, кажется, краснею.

— Я тебя обожаю, Сашка.

Эпилог или маленькая экстра. Три года спустя Вадим и Вика

Каштановые волосы рассыпаются по плечам, лезут в лицо и рот, они жутко мешают, просто ужасно, особенно, когда тебя фактически вбивают в матрас в позе раком и трахают так, что у тебя перед глазами мелькают звездочки. Толчок, ещё один, кричу в подушку и, содрогаясь, кончаю.

— Вик, ты уже? — запыхавшись, интересуется Вадим, переворачивает меня на спину и пальцами растирает сперму по моему члену: — Теперь, значит, могу и я.

И вновь толчки, чуть более нежно, но от этого не мнение глубоко и чувственно. Толчок, ещё один, мои ноги закидывают себе на плечи, целуют и делают последние толчки. Выгибаюсь от ощущений, хватаюсь за волосы, а другой рукой все ещё пытаюсь закрыть себе рот, чтобы поменьше кричать. И все же я стону, когда он глубоко входит в меня и кончает.

И вновь передышка и надежда, что, когда я начну одеваться, меня опять не завалят. Два года спустя, после года, сначала дружбы, а потом и романтических отношений, я согласился на секс. Было просто страшно начинать все раньше, страшно, что ему будет противно, и он меня бросит...

Ну да, как же, сначала секс был раз в неделю, теперь доходит до двух-трёх раз в день. И зачем мы съехались? Причём мне кажется, ему пофиг, в каком я виде: просто в футболке или в миниатюрном платье.

— Вик? Вик, ты меня слушаешь? — теребит меня за плечо Вадим. — Вик, с тобой все хорошо, ты же не в обморок опять грохнулась?

— Я задумалась, — открывая глаза, отвечаю я, все ещё тяжело дыша. — И пропустила, что ты мне говорил. Повторишь?

— Что именно? — улыбаясь с намеком, усмехается он и, видимо из-за моего испуганного лица, отвечает, склонившись надо мной и зачесывая пятерней мои волосы назад: — Говорю, что ты у меня самая-самая красивая, и я тебя люблю больше всех на свете.

— Честно-честно? — улыбаясь, типа с сомнением, спрашиваю я.

— Отвечаю, — перебирая мои волосы и смотря на мои губы, говорит он.

— И пофигу, что я парень? — ну почему я сам вечно задеваю эту больную для меня тему?

— Вик, сотню раз говорил, ты можешь выглядеть как угодно, я же не за внешность тебя полюбил. Что девушка, что парень — ты идеальна.

И тишина, Вадим лежит и обнимает меня со спины, а у меня столько мыслей в голове, что хочется надругаться над ними, чтоб не мельтешили почему зря. Невозможно сосредоточиться.

— Вик, ты насчёт документов поговорила с отцом? На совете мягко намекнули мне, как старосте, что пора сдавать конечные документы. А преподаватели, что в курсе, не знают, как подписывать тебя.

— Точно, надо поговорить с папой, — подскакивая с кровати, вскрикиваю я и начинаю собираться, мельтеша по нашей с Вадимом съемной квартире.

— Вик, Вики, ВИКА! — довольно громкий вскрик останавливает меня на полпути к коридору.

— Что? — поворачиваясь, интересуюсь я.

— Ты надела мои джинсы, мою футболку, свой свитер и не накружилась. И джинсы с тебя слетают.

— Твою ж, — залетая в ванную, вскрикиваю я и понимаю, что на покраситься мне надо ещё тридцать минут. — Вадим, принеси мне ремень и свою ветровку с капюшоном, я у папы накружусь.

Быстро скинув с себя свой свитер, натянул протянутую мне ветровку и, чмокнув Вадима в щеку, я вылетел в подъезд, а там и на улицу. Кажется я все чаще стал так свободно одеваться, а все из-за Вадима с его: "Скрой свою попу, зачем тебе такой большой бюст, скрой свою попу, одень вот эту свободную кофту, блин, Вика, скрой свою попу".

— Парень, не подскажешь, как пройти...

— Простите, что вы сказали? — оборачиваясь, шокировано интересуюсь я.

— Хм, я спросила: парень, не подскажешь, где здесь есть ближайшая аптека, — бабушка, божий одуванчик, смотрела уверено и прямо.

— Блин, точно, я же в Вадима одежде, — бурчу я, понимая, почему бабушка меня так назвала.

— И что? Аптека где? И причём тут одежда, ты себя в зеркале видел? Патлы обрезать и натуральный, красивый мальчик, не понимаю я эту молодежь: челка набок, узкая одежда. Вот первого нормально одетого встретила, и у того вон, волосня, хотя, вот если, — она недоговаривает, а просто снимает с меня капюшон и, взъерошив волосы, за челку чуть оттягивает их назад. — Не, ну точно нормальный, ты бы это обстриг, вообще красивым будешь, все девочки твоими будут, я, когда была молодой... А хотя пойдём, ты меня до аптеки, а я тебе одну историю из своей жизни.

Никогда не умел отказывать пожилым людям, поэтому сейчас иду, слушаю про колхоз и мешок сахара на год и думаю. Вот так зачесывать мои волосы Вадим начал где-то как два с половиной года, говорить, что он любит меня любую-любого тоже с этого периода. Так может это все ещё с того времени? Самое что интересное, только сейчас я понимаю, что он просто тащится смотреть на меня голого. Возьмём тот же душ, я за эти два года на пальцах могу посчитать, когда купался один, и его постоянные: да ходи ты дома в обычных майках и шортах, дома то тебе не от кого прятаться. Интересно...

— Ой, а вот и аптека, спасибо, что проводил, — отпуская мой локоть, благодарит бабушка. — А хочешь, я помогу тебе изменить жизнь? Буду, как крестная фея.

— Это как? — с сомнением и улыбкой интересуюсь я.

— А совет дам, вот честно, всем помогает, — залезая в свою сумку, усмехается она. — Держи яблочко.

— Какой же совет? — беря из её рук фрукт, все же интересуюсь я.

— Будь самим собой, не ври родителям, любимым и детям и помни, что, не соблюдая этих советов, можно остаётся одному и искать аптеку в одиночку. Но главное, все же, быть самим собой.

— Спасибо, а вы...

— Нет, я не одинока, я всегда соблюдала эти правила. Вон, мой внук за нами на своей громиле едет, — показывая пальцем на припаркованный невдалеке геленваген, отвечает она. — Он просто не знает, где здесь аптека, а я вот вышла узнать и познакомилась с таким отзывчивым мальчиком, дай думаю, ему компанию составлю.

— Бабуль, ну, ты уже заговорила парня, — с усмешкой произнёс мужчина лет тридцати в дорогом костюме. — Отпускай его, а то мы в жизни твой аспирин не купим.

— Не цените вы прогулки, молодёжь. Ладно, внучек, пойдём. А ты, парень, подстригись, тебе хорошо будет, — кивая и беря мужчину за руку, советует она и, разворачиваясь, уходит, таща за собой на буксире усмехающегося мужчину.

— Быть самим собой, да? — зачесывая волосы назад, сам у себя спрашиваю я и смотрю в отражение очередного бутика.

— Николай Николаевич, к вам ваше чадо пожаловало, — впереди меня стоит секретарь отца и, одновременно, администратор и любовник, кажется, эта схема уже проработана до мелочей.

— Доча, а ты почему без звонка? — ну, а я о чем говорил.

— Потому что я всегда без звонка, подстрижешь? — продолжаем играть.

— Я? Дочь, я мужской мастер, может лучше Леша? — игра продолжается, он кивает на своего любовника, который иногда тоже стрижет и, чаще всего, исключительно меня, папа ко всему женскому полу своего бывшего отпетого натурала ревнует.

— Хочу тебя, — типа надуть губки, папа с горестным вздохом встаёт и выходит в общий зал своего собственного салона красоты. — Честно, хочу, чтобы сегодня подстриг меня именно ты, мне поговорить с тобой надо.

— Ну, ладно, я так я. Леш, место в випе есть? — поворачиваясь к своему любовнику, интересуется папа, на что получает кивок. — Отлично, тогда, Вик, пойдём в нашу маленькую переговорную.

Как обычно, пока прошли весь салон, поздоровались со всеми, со всеми переговорили на мелкие темы и только спустя пять минут и принесенного чая, я сидел в парикмахерском кресле, а папа накрывал меня покрывалом для стрижки и вытаскивал мои волосы, что уже достигали попы.

— Ты чего сегодня не при параде? — усмехается он, глазами показывая через зеркало на моё лицо.

— Замотался, вспомнил, что поговорить с тобой должен, насчёт документов и перевода в магистратуру, — не успел я договорить, как у папы из рук выпадает расчёска, которую он только что взял.

— Вик, ты заболел? Ты чего это о себе в мужском роде говоришь? — поворачивая меня к себе лицом, взволновано интересуется он: — Что-то случилось.

— Вот мы и подошли к той причине, по которой я хочу у тебя подстричься, а не у Лёши, как планировал ранее. Хочу короткую стрижку, — отворачиваясь и смотря в зеркало, отвечаю я.

— На сколько?

— Под мальчика, пап, под мальчика, я тут недавно совсем осознал, с полчаса как, что, оказывается, в меня влюбились ещё сильнее, когда я, будучи мальчиком, расхаживал перед ним по квартире. И оказывается, что именно мальчика он видит, когда спит со мной...

— Я не хочу знать подробности, — махая руками, ворчит отец. — Так ты решился стать...

— Ага, против природы не попрешь, дай ножницы, — забирая у папы столь острый предмет, отвечаю я и беру прядь своей чётки.

Секунда на раздумье, последний раз взглянуть на то, что растил, и что сопровождало меня вот уже более десяти лет, и я одним чиком отрезать эту пядь, оставляя для работы ещё добрых семь сантиметров. Папа смотрит немного шокировано и все же, забрав у меня отрезанную прядь, аккуратно кладет её на соседний столик, и делает то, что я так хотел. Он аккуратно подцепляет следующую и оттягивает её, давая мне совершить ещё один чик. А на губах, моих и его, появляются улыбки.

— Па, знаешь, я очень редко говорю тебе это, но я тебя очень сильно люблю, спасибо тебе за поддержку, — обрезаю уже пятую часть, со слезами на глазах произношу я, — которую ты оказывал мне так долго, без тебя мне было бы очень плохо.

— Я тебя тоже люблю, сынок.

Ну все, с последних слов я рыдал. Рыдал долго, до икоты, пока немного шокированный Лёша не впихнул мне валерьянку и не начал бить и наезжать на папу. Он подумал, что это он меня обкрамсал. Пять минут на объяснения, и Лёша кидается на меня с объятьями и словами, что он знал, что я найду того, ради кого захочу измениться. И он оказался прав.

Теперь стрижка пошла веселее, мы спорили, какую причёску делать, а потом, кто будет меня стричь, а после Лёша и вовсе хлопнул себя полбу и убежал, оставив нас с папой и сказав, что будет через полчаса.

— Ну что, Виктор, приступим?

— Давай, па, на свой вкус, только не боб каре.

— Обижает.

Час спустя

Короткие волосы спереди и чуть большая длина на затылке, которая сейчас стоит ежиком.

Белая майка с глубоким вырезом и свободные голубые джинсы на бедрах, лёгкие мокасины и аккуратненькая кожаная чёрная курточка, именно такого парня я видел в отражении зеркала в лифте, в котором поднимался домой.

— Лишь бы узнал, — усмехаясь, говорю я сам про себя, выходя из лифта и вставая перед дверью.

Три глубоких вдоха и столько же выдохов, уверенно нажать на кнопку звонка и ждать.

— Эм, вам кого? — передо мной стоит какой-то парень в одних штанах и без футболки, удивлено рассматривает меня, потом разворачивается и громко кричит в квартиру: — Не, это не девушка. Вадим, это, кажется, к тебе, иди, разберись, у меня мясо там одинешенька стоит, никто его не маринует.

От сердца мгновенно отлегло, и как я вообще мог подумать о том, что Вадим мне изменяет. Упс, кажется, я теперь понимаю папу.

— Парень, ПАРЕНЬ, тебе кого? — офонареть, он меня не узнал, наверно, по моему лицу Вадим что-то понял, потому что следующее было произнесено с шоком: — Стоп, Вик?

— Мне тут, малость, подсказали, что если мне зачесывать волосы назад, то я становлюсь очень похожим на парня, а ты постоянно мне волосы так зачесываешь. И я тут подумал, ты не против, если с этих пор я буду вот таким?

— Вика, это серьёзно ты? Ты все обстригла...

— Обстриг, и не Вика, а Виктор, ну, хотя, сокращение Вик можно не менять, — делая ударение на последнем слоге, подправил я его. — Так, что ты мне скажешь?

— Это пиздец какой-то, — шокировано отвечает он, а у меня, кажется, замирает сердце. — Ты представь, сколько мне теперь девушек и парней от тебя отбивать придётся. Ты очень красивый, эй, ты чего застыл, я, кажется, тебе уже миллион раз говорил, мне пофигу кто ты, парень или девушка, я люблю тебя любым.

— Ребят, маринад готов. Вадим, ты бы своей позвонил, а то в пробке на выезде из города встанем, — и опять этот парень нам мешает.

— Это парень Лехи, все скатываются в голубую зону, — усмехнулся Вадим, приобнимая меня и заводя в зал, где собралась куча народа, а если точнее: Леха, его парень, Саша, Рома, ещё три наших однокурсника, которых после последних слов Вадима, кажется, придётся откачивать. — Ребят, знакомьтесь — это Вик.